

24 ~~1976~~ 1976
сентябрь

АМУРСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ
г. Благовещенск

Завтра исполняется 70 лет со дня рождения Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, одного из самых выдающихся творцов музыки XX века. «...Музыка Шостаковича, — писал композитор Т. Хренников, — на века останется одной из вершин человеческой цивилизации эпохи социализма». «В его музыке — пульс нашей жизни, — пишет Р. Щедрин. — Хотите познать время — слушайте ее, проникните в мир глубоких и емких мыслей ее создания, мир удивительной гармонии сердца и ума». Сегодня мы рассказываем об одном из последних произведений композитора, к счастью, завершенном.

Соната Дмитрия Шостаковича для альты и фортепиано — последнее, завершенное композитором, сочинение... Премьера сона-ты состоялась в Ленинграде осенью прошлого года, ознаменовав впервые проводившейся по инициативе ЮНЕСКО Международ- ный день музыки. Атмосфера Малого зала имени М. И. Глинки была особенно торжественна. Присутствовали видные музыканты Ленинграда: дирижер Евгений Мравинский — один из лучших интерпретаторов симфоний Шостаковича, композитор Борис Тищенко — один из любимейших его учеников.

Обращение Шостаковича к альту связано с многолетней дружбой композитора с участниками Квартета имени Бетховена, и в частности, альтистами квартета Вадимом Борисовским и Федором Дружининым.

В 1970 году Борисовскому исполнилось 70 лет.

— Прошу тебя принять мой запоздалый подарок, — писал юбиляру Шостакович. — Это Тринадцатый квартет, который я

тебе посвящаю. Когда я получу их (ноты, отданные переписчику. — В. Ю.) и сделаю корректуру, то мою рукопись попрошу принять в знак любви и восхищения. Премьеру Тринадцатого квартета с большой и очень трудной сольной партией альты сыграл в составе «бетховенцев» Федор Дружинин, один из лучших учеников Борисовского.

— Несколько раз за эти годы, — рассказывает Федор Серафимович Дружинин, — я пытался напомнить Дмитрию Дмитриевичу о том, что в огромном списке его сочинений нет произведения для альты.

— Не знаю, не знаю, Федя, надо подумать, надо подумать, — отвечал он обычно.

Однажды Шостакович присутствовал на нашей репетиции. В перерыве в дальнем углу комнаты я учил высокие по tessiture

пассажи из Хроматической фантазии Баха.

— Я никогда не думал, Федя, — обратился ко мне Дмитрий Дмитриевич, — что на альте возможно сыграть этот высокий си-бемоль...

В сольной альтовой партии Тринадцатого квартета этот опыт оказался учтенным: альт «раскрыт» Шостаковичем во всех регистрах. Интерес Шостаковича к альту не оказался, к счастью, преходящим, о чем свидетельствует, в частности, пятнадцатый квартет с замечательным альтовым соло в Ноктюрне и, наконец, Соната для альты и фортепиано.

Весной 1975 года Федор Дру-

жинин. «Я пишу сонату» означало, вероятно, в устах Дмитрия Дмитриевича: «Я записываю ее»...

— Так, по сути дела, и было. Шостакович записывал сочиненную уже сонату. Он сразу же рассказал мне, что она будет трехчастной, что, хотя части и не будут иметь названий, он мыслит их как Новеллу, Скерцо и Адажио памяти великого Бетховена. Признаюсь, с того самого момента, как я узнал о сонате, я потерял покой; волнение мое росло с каждым днем. 4 июля мне стало известно, что Шостакович закончил две части Сонаты, 6 июля в трубке раздался знакомый голос: «Федя, Вы знаете, я поднадулся и написал

только с такими сочинениями Шостаковича, как Пятая симфония и Фортепианный квинтет, Десятая симфония и Пятнадцатый квартет, но и с произведениями позднего Бетховена, его последними фортепианными сонатами и квартетами.

Еще в 1937 году Генрих Нейгауз подчеркивал родство Шостаковича с Бетховеном и античным искусством. Четырьмя годами позже он писал, что «в лице Шостаковича маятник истории опять качнулся в сторону классики». Подтверждением этих мыслей стало все последующее творчество композитора, Альтовая соната, в частности.

И еще одно обстоятельство хо-

ПОСЛЕДНЕЕ СОЧИНЕНИЕ ШОСТАКОВИЧА

Адажио»...

Такое Адажио — за два дня! — и притом еще, что Дмитрий Дмитриевич был нездоров. 6 августа я держал партитуру Сонаты в руках. Шостакович лежал в больнице, состояние его ухудшалось, и все-таки он завершил корректуру Сонаты. С трепетом открывал я переданную мне близкими Дмитрия Дмитриевича нотную тетрадь в серой обложке. Не знаю, была ли в моей жизни минута более сильного переживания, чем та, когда я увидел на титульном листе Сонаты посвящение: Федору Серафимовичу Дружинину. Шостакович одарил меня бесценным даром... 9 августа Шостаковича не стало.

Альтовая соната — одно из вершинных его созданий. По силе художественного воздействия она может быть сопоставлена не

чется подчеркнуть: Шостакович человек впечатляет нас в альтовой сонате столь же сильно, как и Шостакович-художник. В огромном, стоическом мужестве черпал он силы для борьбы с неотступным недугом, не способным паразитить его дух, дух автора знаменитой Седьмой («Ленинградской») симфонии. Не подвиг ли написать на грани небытия такую музыку, как вторая часть альтовой сонаты — брызжущее весельем, бурлящее жизнью, исполненное гротеска аллегretto? Не подвиг ли уйти из жизни, «пролежав» такое финальное Адажио сонаты без тени надломленности и надрыва, уйти с именем Бетховена на устах? И не есть ли эта его последняя песнь смыканием гениев Шостаковича и Бетховена в вечности...

В. ЮЗЕФОВИЧ,
кандидат искусствоведения.